

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

DOI: 10.46698/VNC.2022.82.43.001

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАРТОВСКИХ СКАЗАНИЙ ОСЕТИН

Л.А. Чибиров

Статья посвящена вопросу о начале формирования Нартовских сказаний осетин. Приведены веские аргументы в пользу пересмотра устоявшейся в научном нартоведении хронологии о начале формирования мифологического ядра Нартовского эпоса с I тыс. до н.э. в сторону расширения географических границ и углубления хронологических рамок до сер. II тыс. до н.э., т.е. включать протоскифскую эпоху. Об этом свидетельствуют, по мнению автора, эпические и мифологические памятники древних индийцев и иранцев («Рамаяма», «Авеста», «Шахнаме»), данные археологии, сопоставительный анализ римской легенды о Ромуле и Реме и героев осетинской «Нартиады» Ахсаре и Ахсартаге и др. Отмечено, что гипотезу о возведении истоков формирования Нартовского эпоса осетин к середине II тыс. до н.э. первым предложил Ю.С. Таглойти. Проанализированы работы российских (Г.М. Бонгард-Левин, Э.А. Грантовский, В.И. Абаев, Э.Б. Сатцаев, А.В. Дарчиев, В.В. Цимиданов) и зарубежных (К. Вьель, Ж. Дюмезиль, Р. Фрай и др.) исследователей, в которых затрагивался этот вопрос. Большое внимание уделено многочисленным параллелям общиндоевропейского единства. Рассмотрены параллели Нартовского эпоса с древностями греческого и римского мира. Акцентировано внимание на приведенные В.Ф. Миллером скифо-нартовские параллели, которые заложили основу для научных работ его последователей и значительно расширили круг сравнительно-исторических исследований. Отмечено, что исторические взаимоотношения скифо-сармато-алан с индоевропейским и античным миром признаны в науке и имеют историческую основу.

Ключевые слова: нарты, «Нартиада», эпические памятники, параллели, скифы, осетины

Известно, что эпос как произведение устного народного творчества, не может в полной мере отражать историческую действительность. Со времени реального существования древнего мира прошли тысячелетия, и потому, естественно, до наших дней дошли лишь руины. Соответственно,

отдельные фрагменты материальной и духовной культуры в одних случаях остаются безмолвными свидетелями минувших тысячелетий, в других – с помощью языковых, исторических или фольклорных источников оживают и способствуют воссозданию реальной картины мира прошлых эпох.

Сравнительное изучение Нартовского эпоса осетин уводит нас за географические пределы Кавказа к огромным пространствам от тихоокеанского побережья, через Иранское плоскогорье в Восточную и Западную Европу, что позволяет пересмотреть хронологические рамки эпоса в сторону их углубления. Целый ряд научно-обоснованных аргументов, согласно которым начало формирования Нартовского эпоса увязывалось с появлением скифов на юге России, нуждается в пересмотре в сторону его углубления до второй половины II тыс. до н.э., т. е. включать протоскифскую эпоху.

Учеными установлено историческое и типологическое сходство эпических памятников осетин и индоиранских ариев, о чем убедительно свидетельствует работа К. Вьеля «Осетино-арийский героический мифоцикл» [1]. Об этом же говорит функциональное сходство трех нартовских родов с делением древнеиндийского общества на три варны (брахманы или жрецы, кшатрии или воины, вайшьи или скотоводы и земледельцы). Ж. Дюмезиль отмечал, что статья М. Туганова «Кто такие нарты?» убедила его в том, что «осетины сохранили в своих сказаниях память о социальной системе, близкой к древнеиндийской» [2, 225].

Не менее весомы иранские истоки. Известный востоковед Р. Фрай отмечал, что древние иранцы, где бы они не расселились, всюду имели общую мифологию, ибо у них были даже общие с индийцами мифы и имели мифических героев [3, 15, 42–46, 84–85]. Параллелям между иранским героическим эпосом «Шахнаме» и Нартовским эпосом посвящена специальная монография Э.Б. Сатцаева [4]. Автор считает, что осе-

тины и иранцы, как генетически родственные народы, могли унаследовать общее в эпосах от тех времен, когда их предки жили еще вместе и составляли один народ [4, 146]. По его мнению, если не учитывать позднейшие наслоения и влияния в Нартовском эпосе, то «можно восстановить в древнейшей его части быт, мировоззрение и идеалы древнего арийского общества, в среде которого формировалась основа нартовского эпоса. Эта же среда явилась источником мифологического мировоззрения иранцев» [4, 110].

Вопреки взглядам некоторых нартоведов (Ш. Салакая) об относительной молодости цикла Батрадза, А.В. Дарчиев путем сопоставительного анализа не только доказал глубинные корни происхождения образа нарта Батрадза, но и выявил в нем много общего с мифами, связанными с древнеиндийским богом грозы и войны Индрой [5, 26–37].

Известные исследователи Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский отмечали, что в эпосе осетин и других индоиранских народов, обитавших в Индии, Иране, Средней Азии, существует много общих черт в религии и мифологии. И до сих пор еще в национальном осетинском эпосе «Нарты» «сохраняются сюжеты и образы, которые находят прямые соответствия в древней литературе Индии и Ирана. В нартах прослеживаются также многие черты, отражающие религиозные и мифологические представления, конкретные особенности быта и традиционных обычаев скифов» [6, 25].

Параллели «Нартиады» с древнеиранскими религиозными и эпическими памятниками («Авеста», «Шах-

наме»), а также с древнеиндийским эпическим наследием («Рамаяма», «Ригведа» «Махабхарата») позволяют утверждать, что мифологическое ядро Нартовского эпоса восходит к арийской культуре, выступающей как часть индоевропейской.

Отодвинуть вглубь хронологические рамки начала эпоса предлагают и некоторые ученые-скифологи. Согласно новым археологическим данным, эта дата уходит до бронзового века, что на примере сопоставления чаши Уацамонга доказывает археолог В.В. Цимиданов. У носителей ираноязычных племен срубной культуры (Штыс. до н.э.) археологи обнаружили деревянные чаши, служившие атрибутом носителей ритуальной функции. Аналогичную роль чаша Уацамонга играла и в Нартовском эпосе. Цимиданов отмечает, что существование ритуальной чаши у носителей срубной культуры свидетельствовало о том, что она была распространена у широкого круга индоевропейских народов, которые были знакомы с ней еще до начала Штыс. до н.э., до ухода индоевропейцев от своей первоначальной родины [7,19–20].

По его мнению, многие из древних религиозно-мифологических представлений, отразившиеся в Нартовском эпосе осетин, восходят к более ранней эпохе, чем скифо-сарматская, а именно к бронзовому веку. Культ чаши, ассоциация солнца с колесом, использование бычьей шкуры в погребальном обряде, оставление окошек в могиле, ритуальное переворачивание и др. свидетельствуют о значительной роли срубного наследия в процессе формирования «Нартиады» [7,30].

Эпос ареально стал охватывать более обширные географические про-

странство. Помимо Кавказа это Индия и Иран, Древняя Греция и Рим, Малая Азия, страны Северо-Западной (Англия, Франция, Испания, Шотландия, Ирландия, Скандинавия) и Северо-Восточной (Поволжье) Европы, Среднюю Азию и Сибирь, Япония. В готовящейся к изданию «Энциклопедии осетинской Нартиады» будут приведены десятки параллелей осетинских сказаний о нартах с этносами-носителями эпоса на Кавказе, параллели с армянами, угро-финнами, кельтами, германскими, романскими, тюркскими народами, а также с хеттами и этрусками. Сюжетные параллели Нартовского эпоса осетин с эпическими произведениями обширного круга народов Евразии от берегов Японии через Среднюю и Малую Азию, бассейн Средиземноморья до Скандинавии, вслед за классиками еще раз подтвердило мнение о зарождении и формировании первоначального ядра «Нартиады» в протоскифскую и скифскую эпохи.

И если со времен протоскифов сохранились единичные рудименты эпических сказаний, то со скифских времен этих артефактов сохранилось достаточно много.

От распада индоиранского (арийского) общества до появления скифов прошло немало столетий и в социуме многое поменялось. Скифы сохранили не только систему мышления, важнейшие понятия и сюжеты, имена богов и героев, но и многие обрядовые действия, поэтические образы и ритуальные формулы, характерные для «Ригведы» и «Авесты», что свидетельствует о наличии в скифской культуре обширного индоевропейского наследия [8,86]. По-прежнему арийский идеал служил основой для обеспечения и

обоснования социального и политического устройства скифского общества, что нашло отражение в осетинских Нартовских сказаниях. Об архаичности истоков эпоса свидетельствует и то, что некоторые скифские имена совпадают с именами героев осетинского Нартовского эпоса В.И.Абаев перечислил их в своей известной работе «Скифский язык»: Бора, Бора-фарныг, Ахсартаг, Созыр-Созырыхъо, Уырыз-маг, Ацамаз, Уархаг, Зиваг [9,199–200].

Через скифские обычаи и обряды, параллели от осетинских Нартовских сказаний ведут к мифоэпическим древностям греко-римского мира. В.И. Абаев писал о том, что если на одном фланге скифский мир глубоко вдавался в Среднюю Азию и был хорошо знаком народам Кавказа и Закавказья, то на другом фланге он соседствовал с европейскими странами. «И мы должны быть готовы к тому, что отдельные мотивы, комбинации мифов и целые сюжетные структуры могли странствовать между скифским и европейским миром и на этой почве могли возникать мифологические и эпические «изоглоссы», аналогичные изоглоссам, вскрываемым в языке» [10,86]. Подтверждает сказанное сопоставительный анализ: Одиссей-Сырдон [11], Геракл-Сослан[1].

Не менее существенны осетинско-древнеримские фольклорно-лингвистические параллели. Известно, что до середины II тыс. до н. э. предки италиков жили на юге России по соседству с индоевропейскими племенами. Сложившиеся между ними этнокультурные взаимоотношения подтверждаются сопоставительным анализом. В.И. Абаев одной из своих работ обнаружил далеко идущие сходства в обеих

легендах. На основе сопоставления латинской и осетинской версии легенд он пришел к выводу, что оба народа прошли тотемическую стадию развития, о чем свидетельствует наличие у обоих тотемического культа волка [12, 319]. Он отметил, что их сближает также способ образования собственных имен близнецов (Ромул-Рем, Ахсар-Ахсартаг), мотивы бегства матери, связь близнецов с водой, мотив братоубийства и др.

Постольку в истории не известны тесные контакты племен Аппенинского полуострова и Юга России и Северного Кавказа, эти схождения могли появиться в быту обоих народов до распада индоевропейского единства, до переселения части индоевропейцев из юга России на новую родину – на Аппенинский полуостров. Даже одного этого примера достаточно для предложенной гипотезы – возведения истоков формирования Нартовского эпоса осетин до середины II тыс. до н.э. Отметим, что эту гипотезу первым предложил Ю.С. Гаглойти. Возводя начало древнего этапа этногенеза осетин к сер. II тыс. до н.э., он не без основания полагал, что к этому времени следует вознести истоки формирования мифологического ядра «Нартиады» [13, 43].

Именно в Нартовском эпосе получили зеркальное отражение многочисленные свидетельства о быте и нравах скифов и сарматов, включенные в труды античных авторов и ученых последующих эпох.

Сетуня на судьбу некоторых народов, которые на историческом пути потеряли как язык, так и фольклор, Ж. Дюмезиль противопоставляет им осетин, которые преуспели вдвойне:

«они сберегли до наших дней не только язык, как форму, несущую некое культурное содержание, но и само это содержание, в котором отразилось состояние скифской цивилизации на последних ступенях ее развития. А главное – живы бесценные, полные архаики эпические сказания, и, хотя в них проникли некоторые более или менее универсальные фольклорные темы, героические образы эпоса по-прежнему свежи и самобытны. Более того, эту устную словесность в той или иной степени восприняли соседние народы, искажив в ней как раз то, что было специфически осетинским, скифским» [2, 8].

Талантливые сказители, обладавшие феноменальной памятью, столетиями передавали Нартовские сказания (до начала XX в. включительно). Не претерпев при этом существенных изменений кадаги перешли к предкам осетин от сарматов, а сарматы восприняли их от скифов, что подтверждается научными исследованиями Дюмезиля: «Обычаи скифо-сарматов, обрисованные Геродотом, и нравы, приписываемые в сказаниях осетинским нартам, с внушающей доверия точностью, совпадают во многих чертах» [14,25]. Разделял данную точку зрения и Миллер: «Возьмем ли мы сармата (скифа) времен Геродота, аланина времен Аммиана Марцеллина или осетина недавнего прошлого, во всех них окажутся знакомые черты» [15].

Начало изучения параллелей нартовских мотивов и скифо-сарматского быта было положено известной статьей Миллера «Черты старины в сказаниях и быте осетин» [16]. По мнению В.И. Абаева, ученый на основе изучения обширного материала

«сделал ряд выводов, имеющих прочное и непреходящее значение. Таковы прежде всего несколько блестящих параллелей, проведенных между нартовскими мотивами и скифо-сарматским бытом» [17,146]. В этой и других своих трудах Миллером установлено, что осетинские Нартовские сказания донесли до наших дней в художественных мотивах многое из того, что нам известно из трудов античных писателей о жизни скифов, сарматов и алан, в котором проиллюстрировали прямую преемственность эпической традиции от геродотовских скифов до современных осетин. Всеволод Федорович положил начало научному сопоставлению скифских древностей с осетинской традиционной культурой и эпическим наследием. Ученый провел четыре параллели со скифским бытом из Нартовского эпоса, которые оказались настолько удачными, что до сих пор остаются в центре внимания исследователей. Привлекая труды Геродота и Марцеллина, Миллер обнаружил явные сходства в похоронных обрядах; в военном обычае скальпирования и утилизации скальпов для шуб у скифов и нартов; в традиции награждения наиболее отличившихся скифских воинов чашей с вином и аналогичным обрядом торжественного подношения нартовским богатырям «чаши героев» Уацамонга; в этногенетических легендах скифов и нартов; в преемственности скифо-алано-осетинского обычая гадания на палочках и др. [18,370] Этими параллелями ученый обратил внимание специалистов на скифо-алано-осетинские этнокультурные связи, показав, что «в образах, мотивах и сюжетах народной осетинской геро-

ической эпопеи о богатырях нартах многое перекликается с легендами и обычаями скифов и что, стало быть, не только язык осетин, но и их эпос преемственно связаны со скифо-сарматским миром» [19, 429].

Параллели, приведенные Миллером, заложили основу для научных работ его последователей, значительно расширивших круг сравнительно-исторических исследований. К выявленных им четырем параллелям Дюмезиль добавил еще семь, а другие нартоведы (В.И. Абаев, Ю.С. Гаглойти, Ю.А. Дзиццойты, Т.А. Гуриев, Б.А. Каалоев, А.А. Туаллагов, А.В. Дарчиев, Э.Б. Сатцаев, Е.Б. Бесолова) значительно расширили круг сравнительного материала. Отметим и вклад, внесенный в сравнительном исследовании осетинской «Нартиады», таких зарубежных исследователей, как Ж. Грисвар, К. Вьель, Ж. Шарашидзе, А. Кристольт, Г. Рид, С. Литтлтон и Л. Малкор.

Особого внимания заслуживают труды Ж. Дюмезиля по Нартовскому эпосу. Знакомство с книгой об осетинских нартах в 1925 г. произвело на него большое впечатление: «Я интуитивно почувствовал, какую роль призваны играть осетинские традиции в изучении индоевропейского наследия, дело которому я собирался посвятить жизнь и в котором искал тогда...первую путеводную мысль» [2, 9].

Особого внимания заслуживают опубликованная на французском языке работа Дюмезиля «Légendes sur les Nartes», а также его труды, изданные на русском языке: «Осетинский эпос и мифология» и «Скифы и нарты». Своими исследованиями ученый внес значительный вклад в изучение генезиса и содержания сказаний о нартах. Ему принадле-

жит заслуга мифологической интерпретации Нартовских сказаний осетин (циклов Сослана и Батрадза), сравнительной характеристики сказаний о Шатане и армянской царевне Сатаник, в увязке трех нартовских фамилий с разработанной им трехфункциональной теорией (религиозно-культурная, военная и хозяйственная). В.И. Абаев отмечал, что «это трехчастное деление наложило, по мнению Дюмезиля, определяющий отпечаток на религиозную и мифологическую систему индоевропейских народов» [20, 269].

Включив в научный оборот новые скифо-осетинские эпико-культурные параллели, Дюмезиль убедительно доказал, что формирование первоначального ядра Нартовского эпоса произошло в древней скифо-аланской среде.

Сравнительное изучение позволяет определить и территорию формирования сказаний, на основании упоминания в кадагах ряда гидронимов, в том числе Черного моря. Несмотря на то, что географическое расположение современной Осетии отдалено от морей и крупных рек, в Нартовском эпосе значительный корпус сюжетов связан с водной стихией, в частности, представителями подводного царства Донбеттырами. Родоначальницей нартов стала Дзерасса, дочь Донбеттыра. Налицо богатая мореходная лексика Нартовских сказаний, поскольку нарты жили на берегу моря и занимались мореходством.

Истоки Нартовского эпоса восходят к скифской древности, однако его ядро сформировалось в период аланского средневековья. На это в эпосе указывают географические названия современного Северного Кавказа: река

Кума, Кумская долина, крепость Уарп, гора Адай-хох и др. [21,83–85]

О развитии рыболовства в местах обитания скифо-сарматских и аланских племен в бассейнах Кубани, Дона, Керченского пролива. свидетельствуют археологические памятники. Сюжеты, включающие данные мотивы, прослеживаются в эпических текстах, где упоминаются соответствующие персонажи: покровитель вод Донбеттыр, его дочери, владетель рыбных богатств Кафты-сар-Хуандон-алдар и др. В сказаниях нередко встречаются картины ловли рыб в больших реках или в море. Согласно одному из сюжетов, во время путешествия Сослан встретил на берегу большой реки трех братьев великанов, занимавшихся рыбной ловлей. Удилищем для каждого служило огромное дерево, а наживкой – крупное животное.

Вместе с тем, в эпосе упоминаются продукты пчеловодства, известные медовые лепешки Шатаны и напиток ронг, что также свидетельствует о скифских истоках пчеловодства, получившего наибольшее развитие в аланский период.

Согласно данным археологии, как древние кобанцы, так и скифо-сарматские племена достигли высокого уровня обработки металла. О популярности кузнечного дела в нартовском обществе красноречиво повествуют эпические тексты, где упоминаются два представителя пантеона небожителей, – покровитель кузнецов Курдалагон и покровитель домашнего очага и надочажной цепи – Сафа. Характерным для нартов является также табуированное отношение к Кварталу кузнецов.

К корпусу типичных параллелей логично отнести и культ коня, который

распространился от древних иранцев на их потомков и играл выдающуюся роль в быту скифов, сарматов, алан. Значительную роль конь играл в Нартовском эпосе. Первый конь на земле – Арфан, принадлежащий предводителю нартов, произошел от небесного коня и был наделен чудесными свойствами. Конь широко представлен в обрядовых практиках осетин и их предков, в том числе в обряде посвящения коня покойнику [22,180–183].

Особенное отношение из диких животных у скифов было к оленю. В сюжетах «Кадагов о Нартах» довольно часто встречается образ оленя [22,169–173].

Известно, что скифы обладали развитой музыкальной культурой, о чем свидетельствуют музыкальные инструменты, обнаруженные в курганах, к примеру, трех- и девяти струнные арфы. В Нартовском эпосе широко представлена двенадцатиструнная арфа (дыууадæстæнон фæндыр), изобретенная Сырдоном. Обилие музыкальных инструментов предполагало наличие хореографии в скифской традиции, что подтверждается археологическими изысканиями. Соответственно, и нарты были страстными любителями музыки, пения, танцев, которые являлись для них одними из любимейших занятий во время пиршеств.

В Нартовских сказаниях осетин Дюмезиль обнаружил убедительные аргументы для обоснования трехфункциональной теории религии и мифологии индоевропейских народов. Социальное устройство скифов соответствовало трем индоиранским общественным функциям: жреческая, земледельческая, воинская (сброшенные на скифскую землю с небес священные

золотые предметы), что соответствует делению нартов на три рода. О сохранении осетинами индоевропейской трехфункциональной схемы писал и Ж. Шарашидзе: «Нартовский эпос осетин, последних потомков скифской ветви ариев, сохранил, несмотря на значительную удаленность во времени и пространстве, трифункциональные схемы очевидного индоевропейского происхождения» [23, 8].

В плоскости мифологического единства наиболее яркие параллели прослежены Дюмезилем в сравнении образа скифского Бога войны Ареса и героя Нартовского эпоса Батрадза. Сюжет о требовании Батрадза нанести гору дров, и восхождение на огромный костер Дюмезиль сопоставляет с жертвенником Ареса. Весьма впечатляюще сопоставление древнего железного меча – символа скифского Ареса, к которому с чувством священного трепета относилась вся Скифия, со сценой прощания Батрадза с чудесным мечом-талисманом. А.В. Дарчиев отмечал, что лучше понять значение некоторых деталей ритуала этого военного божества скифов позволяют выявленные Дюмезилем скифо-нартвовские параллели. Весьма тождественны образы Батрадза и Кухулина (детство, закалка), того же Батрадза с древним грозовым божеством Индрой, героями Артуриани Артуром, Ланселотом,

«Шахнаме» Рустемом. Прослеживаются также связи солнечной природы Сослана, скандинавского Бальдра и индо-иранского Митры; параллели Сослан – Говейн, Сослан – Аполлон; тождественность между главным героем древнеиндийского эпоса Рама, греко-скифским Гераклом и Нартом Сосланом; между Сырдоном и Одиссеем, Сырдоном и Локи [24, 404] и др. Дюмезилем доказана преемственная связь между индийской Тапати, скифской Табити и нартвовской Ацырухс [2, 115]. Множество ярких скифо-нартвовских параллелей имеют место в погребальных обрядах, обычае побратимства, обычае отсечения руки и др.

Известный ученый-скифолог Е.Е. Кузьмина писала о том, что этнография и фольклор осетин являются важным источником «для реконструкции скифской мифологии и выяснения ее генетических связей с индоевропейской мифологической системой» [8].

Таким образом, приведенные в статье аргументы могут свидетельствовать в пользу пересмотра устоявшейся в научном нартоведении хронологии о начале формирования мифологического ядра Нартовского эпоса с I тыс. до н. э. в сторону расширения географических границ и углубления хронологических рамок до сер. II тыс. до н.э., т. е. включая протоскифскую эпоху.

1. Вьель К. Осетино-арийский героический мифоцикл // Эпос и мифология осетин и мировая культура. Владикавказ, 2012. С. 253–309.
2. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. Владикавказ, 1990.
3. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
4. Сатцаев Э.Б. Нартский эпос и иранская поэма «Шахнаме» (схожие сюжетные мотивы). Владикавказ, 2008.
5. Дарчиев А.В. Батрадз и муравей (об одном мотиве нартовского эпоса // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 7 (46). С. 26–37.
6. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983.
7. Цимиданов В.В. Нартовский эпос осетин и срубная культура: поиск сходений // Известия СОИГСИ. 2007. Вып. I (40). С. 17–36.
8. Кузьмина Е.Е. Занавесь поднимается (О семантике скифского искусства) // Знание-сила. 1985. №11(701). С. 38–42.
9. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.
10. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
11. Кристолю А. Сырдон и Одиссей // Эпос и мифология осетин и мировая культура. Владикавказ, 2012. С. 237–252.
12. Абаев В.И. Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нартов и римлян // Абаев В.И. Избранные труды. Т. I. Владикавказ, 1990. С. 302–325.
13. Гаглойти Ю.С. Нарты и аланы. Сборник статей. Цхинвал, 2010.
14. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология, Владикавказ, 2001.
15. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. I–III. Владикавказ, 1992.
16. Миллер В.Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин // Миллер В.Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 1998. С. 422–436.
17. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Абаев В.И. Избранные труды. Т. I. Владикавказ, 1990. С. 142–242.
18. Абаев В.И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний // Абаев В.И. Избранные труды. Т. I. Владикавказ, 1990. С. 369–380.
19. Абаев В.И. Новая книга Жоржа Дюмезиля // Абаев В.И. Избранные труды. Т. I. Владикавказ, 1990. С. 429–437.
20. Абаев В.И. Ж. Дюмезиль – исследователь эпоса и мифологии осетин // Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 268–273.
21. Кузнецов В.А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.
22. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008.
23. Шарашидзе Ж. Индоевропейская память Кавказа. Владикавказ, 2004.
24. Чибиров Л.А. Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ, 2016.

Chibirov, Lyudvig A. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); L.chibirov@mail.ru

ON THE INITIAL STAGE OF THE FORMATION OF THE OSSETIAN'S NART LEGENDS.

Keywords: *the Narts, "Nartiada", epic monuments, parallels, Scythians, Ossetians.*

The article is devoted to the question of the beginning of the formation of the Nart legends of Ossetians. There are strong arguments in favor of revising the chronology established in scientific nartology about the beginning of the formation of the mythological core of the Nartov epic from the I millennium BC towards expanding geographical boundaries and deepening the chronological framework to ser. II thousand BC, i.e. in the Proto-Scythian era. This is evidenced, according to the author, by the epic and mythological monuments of ancient Indians and Iranians ("Ramayama", "Avesta", "Shahnameh"), archaeological data, a comparative analysis of the Roman legend of Romulus and Remus and the heroes of the Ossetian "Nartiad" Akhsar and Akhsartag, etc. It is noted that the hypothesis about the construction of the origins of the formation of the Nart epic of the Ossetians by the middle of the II millennium BC was first proposed by Yu.S. Gagloti. The works of Russian (G.M. Bongard-Levin and E.A. Grantovsky, V.I. Abaev, E.B. Sattsaevev, A.V. Darchiev, V.V. Tsimidanov) and foreign researchers (K. Viel, J. Dumézil, R. Fry, etc.), which touched on this issue. Much attention is paid to numerous parallels of pan-Indo-European unity. The parallels of the Nart epic with the antiquities of the Greek and Roman world are considered. Attention is focused on the Scythian-Nart parallels cited by V.F. Miller, which laid the foundation for the scientific works of his followers and significantly expanded the range of comparative historical research. It is noted that the historical relations of the Scythian-Sarmatian-Alans with the Indo-European and ancient world are recognized in science and have a historical basis.

REFERENCES

1. Vielle, C. *Osetino-ariiskiigeroicheskiimifotsikl* [Ossetian-Aryan heroic Mythocycle]. *Epos i mifologiya osetin i mirovaya kul'tura* [Epic and mythology of Ossetians and world culture]. Vladikavkaz, 2012, pp. 253–309.
2. Dyumézil, G. *Skify i narty* [Scythians and Narts]. Vladikavkaz, 1990.
3. Frye, R. *Nasledie Irana* [The heritage of Persia]. Moscow, 1972.
4. Sattsaevev, E.B. *Nartskii epos i iranskaya poema "Shahnameh" (skhozhie syuzhetnye motivy)* [The Nart epic and the Iranian poem "Shahnameh" (similar plot motifs)]. Vladikavkaz, 2008.
5. Darchiev, A.V. *Batradz-muravei (ob odnom motive nartovskogo eposa)* [Batradz the Ant (about one motif of the Nart epic)]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2012, iss. 7(46), pp. 26–37.
6. Bongard-Levin, G.M., Grantovsky. E.A. *Ot Skifii do Indii* [From Scythia to India]. Moscow, 1983.
7. Tsimidanov, V.V. *Nartovskii epos osetin i srubnaya kul'tura: poisk skhozhdennii* [The Nart Epic of Ossetians and the *sрубnaya* culture: searching for convergence]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2007, iss. 1(40), pp. 17–36.

8. Kuzmina, E.E. *Zanaves' podnimaetsya (O semantike skifskogo iskusstva)* [The curtain rises (On the semantics of Scythian art)]. *Znanie-sila* [Knowledge is power]. 1985, no. 11(701), pp. 38–42.
9. Abaev, V.I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow-Leningrad, 1949.
10. Abaev, V.I. *Skifo-evropeiskie izoglossy* [Scythian-European isoglosses]. Moscow, 1965.
11. Christol, A. *Syrdon i Odissei* [Syrdon and Odyssey]. *Epos i mifologiya osetin i mirovaya kul'tura* [Epic and mythology of Ossetians and world culture]. Vladikavkaz, 2012, pp. 237–252.
12. Abaev, V.I. *Opyt sravnitel'nogo analiza legend o proiskhozhdenii nartov i rimlyan* [The experience of comparative analysis of legends about the origin of the sleds and the Romans]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vladikavkaz, 1990, vol. I, pp. 302–325.
13. Gagloiti, Yu.S. *Narty i alany. Sbornik statei* [Narts and Alans. Collection of articles]. Tskhinval, 2010.
14. Dyumézil, G. *Osetinskii epos i mifologiya* [Ossetian Epic and mythology]. Vladikavkaz, 2001.
15. Miller, V.F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian studies]. Vladikavkaz, 1992, parts I–III.
16. Miller, V.F. *Cherty stariny v skazaniyakh i byte osetin* [Features of antiquity in the legends and everyday life of Ossetians]. *V gorakh Osetii* [In the mountains of Ossetia]. Vladikavkaz, 1998, pp. 422–436.
17. Abaev, V.I. *Nartovskii epos osetin* [The Nart Epic of Ossetians]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vladikavkaz, 1990, vol. I, pp. 142–242.
18. Abaev, V.I. *Sarmato-bosporskie otnosheniya v otrazhenii nartovskikh skazanii* [Sarmatian-Bosporan relations in the reflection of Nart legends]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vladikavkaz, 1990, vol. I, pp. 369–380.
19. Abaev, V.I. *Novaya kniga Zhorzha Dyumezilya* [A new book by Georges Dumézil]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vladikavkaz, 1990, vol. I, pp. 429–437.
20. Abaev, V.I. *Zh. Dyumezil – issledovatel' eposa i mifologii osetin* [G. Dumézil is a researcher of the epic and mythology of Ossetians]. Dumézil, G. *Osetinskii epos i mifologiya* [Ossetian Epic and mythology]. Moscow, 1976, pp. 268–273.
21. Kuznetsov, V.A. *Nartskii epos I nekotorye voprosy istorii osetinskogo naroda* [The Nart Epic and some questions of the history of the Ossetian people]. Ordzhonikidze, 1980.
22. Chibirov, L.A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional spiritual culture of Ossetians]. Moscow, 2008.
23. Sharashidze, Zh. *Indoevropeiskaya pamyat' Kavkaza* [Indo-European memory of the Caucasus]. Vladikavkaz, 2004.
24. Chibirov, L.A. *Osetinskaya Nartiada. Mifologicheskie istoki i areal'nye svyazi* [Ossetian Nartiada. Mythological origins and areal connections]. Vladikavkaz, 2016.